

КЛАССИКА

РАДОСТИ И ГОРЕСТИ
знаменитой
МОЛЛЬ ФЛЕНДЕРС,
которая родилась
В НЬЮГЕТСКОЙ ТЮРЬМЕ
и в течение
ШЕСТИ ДЕСЯТКОВ ЛЕТ
своей разнообразной жизни
(не считая детского возраста)
БЫЛА ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ
СОДЕРЖАНКОЙ,
ПЯТЬ РАЗ ЗАМУЖЕМ
(из них один раз за своим братом),
ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ ВОРОВКОЙ,
ВОСЕМЬ ЛЕТ ССЫЛЬНОЙ
В ВИРГИНИИ,
но под конец разбогатела,
СТАЛА ЖИТЬ ЧЕСТНО
И УМЕРЛА В РАСКАЯНИИ.
Написано по ее собственным
заметкам

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В последнее время публика так привыкла к романам, что история подлинной жизни, в которой от читателя скрыты имена действующих лиц и другие сведения о них, вряд ли будет сочтена былью; но в этом отношении мы должны предоставить читателя его собственному суждению: пусть он принимает эту книгу, как ему будет угодно.

Молль Флендерс, очевидно, описывает здесь собственную жизнь и вначале сообщает причины, заставившие ее скрыть свое настоящее имя, так что прибавить к этому нечего.

Правда, подлинные записи пересказаны здесь иными словами, и слог замечательной дамы, о которой идет речь, слегка изменен; главное, в ее уста вложены более скромные выражения, нежели те, что стояли у нее; рукопись, попавшая в наши руки, была написана языком, больше похожим на жаргон Ньюгета, чем на язык раскаявшейся и смилившейся женщины, за которую она выдает себя на последних страницах.

Перу, занимавшемуся отделкой повести и превратившему ее в то, что вы видите перед собой, стоило немало труда принарядить ее в приличное платье и заставить говорить приличным языком. Когда развра-

ценная с юных лет женщина, к тому же дитя разврата и греха, повествует о порочной своей жизни, особенно подробно останавливается на обстоятельствах своего соращения и на всех ступенях преступлений, которые она прошла за шестьдесят лет, то автору нелегко так все это скрасить, чтобы не было повода для нареканий, особенно со стороны недоброжелательных читателей.

Во всяком случае, были приложены все старания к тому, чтобы не допустить в эту повесть в настоящем ее виде никаких непристойностей, никакого бесстыдства, ни одного грубого выражения героини. С этой целью кое-какие подробности порочной части ее жизни, которые нельзя передать в пристойной форме, опущены вовсе, многое же сильно сокращено. То, что оставлено, надо надеяться, не оскорбит самого целомудренного читателя, самого скромного слушателя; и так как даже из самого дурного рассказа можно извлечь пользу, то нравоучение, надо надеяться, удержит читателя от легких мыслей даже в тех случаях, когда сам рассказ может их возбудить. Повесть о порочной жизни, кончившейся раскаянием, непременно требует живого описания порока, иначе потускнеет красота раскаяния, а под умелым пером оно, несомненно, должно выйти ярким и привлекательным.

Говорят, будто раскаяние нельзя изобразить с такой живостью, красотой и блеском, как преступление. Если в таком мнении и есть доля правды, то объясняется это, мне кажется, тем, что при чтении порок и добродетель вызывают неодинаковые чувства; несомненно, различие заключено не в истинных качествах предмета, а во вкусах и склонностях читателя.

Но так как настоящее произведение предназначено главным образом для людей, умеющих читать и извлекать пользу из прочитанного, то, надо надеяться,

таким читателям нраву чтение понравится гораздо больше, чем содержание, выводы — больше, чем самый рассказ, и намерение писавшей — больше, чем жизнь героини.

Повесть эта изобилует занятыми приключениями, и все они содержат в себе назидание. Благодаря соответствующему освещению они всегда так или иначе поучительны для читателя. Распутная жизнь героини с молодым джентльменом в Колчестере содержит столько черточек, изобличающих пороки и предостерегающих всех вступающих на этот путь о гибельном конце подобных походов, нелепость, безрассудство и гнусность поведения обеих сторон так очевидны, что этим с избытком искупается слишком живописное изображение героиней своего беспутства и порочности.

Раскаяние ее любовника из Бата и то, как он под влиянием болезни решает покинуть ее; справедливое предостережение против излишних вольностей даже в чисто дружеских отношениях; наша неспособность осуществить без божественной помощи самые благие намерения — в этих страницах разборчивый читатель обнаружит больше подлинной красоты, чем во всей цепи любовных приключений, которые к ним приводят.

Словом, все повествование заботливо очищено от легкомыслия и нескромности, которые там были, и еще более заботливо приспособлено для добродетельных и благочестивых целей. Никто не может без явной несправедливости бросить нам упрек за наше намерение опубликовать его.

Для доказательства пользы театральных представлений и необходимости разрешать их при самом просвещенном и благочестивом правлении поборники театра во все времена ссылались на то, что драмы и

комедии преследуют нравственные цели и при помощи живого изображения насаждают добродетель и благородство, в то же время изобличая и осмеивая всякого рода пороки и испорченность нравов. Если бы те, кто так говорит, действительно руководствовались этим правилом, защищая ту или иную пьесу, многое можно было бы сказать в похвалу им.

Это основное требование строжайшим образом соблюдено на всем протяжении настоящей книги, во всех бесконечно разнообразных ее эпизодах; в ней нет ни одного дурного поступка, который бы рано или поздно не привел к беде или несчастью, все выведенные в ней негодяи либо несут наказание, либо раскаяваются; дурное изображается только с целью осуждения, а добродетель и справедливость всегда вознаграждаются. Можно ли с большей точностью выполнить вышеупомянутое правило — и при соблюдении его не становятся ли поучительными даже такие вещи, которые справедливо нами осуждаются, например: изображение дурного общества, употребление непристойных выражений и тому подобное?

На этом основании настоящая книга предлагается читателю в качестве произведения, каждый эпизод которого содержит что-нибудь поучительное; ее выводы могут послужить читателю назиданием, если он пожелает воспользоваться ими.

Все подвиги этой интересной дамы служат прекрасным предостережением честным людям, показывая, как заманивают простаков, как их обирают и грабят и, значит, каким образом избежать всего этого. Ограбление девочки, которую тщеславная мать разрядила, отправляя в танцевальную школу, является хорошим уроком на будущее для подобных людей, как и похищение золотых часов у маленькой барышни в Сент-Джеймском парке.